

В.А. Мазурин

ЭПОХА ИНТЕНСИВНОГО ТВОРЧЕСКОГО НАКАЛА В ОСМЫСЛЕНИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»

В XX в. одной из самых продуктивных идей, внесших новое содержание в сущность гуманизма, является идея планетарного сознания, выдвинутая В.И. Вернадским (учение о ноосфере). Планетарное сознание предполагает формирование нового типа мышления, которое после работ М.Бахтина стали называть гуманитарным.

Гуманитарное мышление – это бесконечное познание мира и его оценка, включение личности в процесс мышления и извечный диалог, полилог образов культуры, логик, познаний. Человек гуманитарного мышления как бы общается с людьми разных стран и эпох, разными «разумами» по вопросам бытия.

Гуманитарное мышление – необходимая гарантия выживания человечества в XXI в., развития личности, умеющей понимать и принимать разные точки зрения, разные логики, разные типы сознания. Вступить в диалог с ними – освоить духовно-ценностные основы жизни, найти себя в мире общечеловеческих ценностей: истины, добра, красоты, любви, счастья.

Большим потенциалом для возникновения культурного диалога обладает литература русского зарубежья. Взгляд с позиции другой культуры на явление русского зарубежья – это расширение диалога об этом феномене.

В этой связи интерес представляют мемуары деятелей «первой волны» русской эмиграции, в которых отразились духовные искания русской интеллигенции начала XX в.

Мемуары – художественный, даже поэтический жанр. Нет и не может быть документальной правды человеческих отношений. Чувства не документы, они субъективны, изменчивы. Чувство нельзя вспомнить, его можно только воссоздать. Но именно воспоминания дают представление о человеческой личности, о ее месте в жизни, о радости человеческого общения и счастье быть на Земле человеком. За писанием мемуаров стоит не просто стремление зафиксировать те или иные события жизни или отрывки из воспоминаний своих и чужих. В этом отчетливо проявляется отношение автора к себе и окружающим его людям и событиям, стремление отразить внешнее событие, движение души, становление личности, стремление проникнуть в суть вещей...

Воспоминания деятелей первой волны русской эмиграции – бережливое собирание фактов, разговоров, документов – подлинных свидетелей современной истории.

Оказавшись за пределами Родины, ощутив себя «не в изгнании, а в послании» (З. Гиппиус), эмигранты первой волны с гордостью отмечали свою «русскость» - неразрывную, «утробную» связь с породившей их землей.

Пускай пожар горит над нами.

О, Русь, я связана с тобой

*Тысячелетними снегами
Над черной русской землей, -*

писала З. Шаховская. А Ирина Одоевцева отмечала: «Мы никогда не чувствовали себя эмигрантами. Мы были и остаемся русскими писателями» [6,с.3]. А. Белый считал: «Правда «рубежа и поколения рубежа» ждет исследователей, и задача лиц, принадлежавших к этому поколению, подать материал для суда, пусть сурового, но правдивого» [1,с.454]

Внутренним содержанием, культурно-ценностным ядром зарубежья стала идея уникального своеобразия русской культуры. Идея имела свое развитие. Исходная тоска идеи – сохранить исконно русскую культуру и вернуть ее России как самую большую ценность для освобожденной России.

В память о «будущей встрече» (Б. Божев) русские писатели оставили воспоминания об эпохе интенсивного творческого накала, о ярких художественных достижениях русской литературы конца XIX – начала XX столетия, о творческой жизни порубежной эпохи, участниками и свидетелями которой они являлись.

Попытаемся увидеть, понять, прочувствовать своеобразие русской культуры периода, который З. Гиппиус охарактеризовала как «время «литературного возрождения» и литературной суеты» [5,с.45], а в литературоведении именуемого «серебряным веком».

«Серебряный век» - понятие не столько филологическое, сколько мифологическое. Так оно понималось Н. Оцупом, Н. Бердяевым, С. Маковским и другими деятелями – теми, кто впервые вводил его во всеобщий обиход. Сами участники расцветающего, но загубленного ренессанса сознавали, что живут в пору культурного и духовного возрождения, или, по крайней мере, решительного обновления. Н. Бердяев охарактеризовал это время как « культурный ренессанс», включив в него пробуждение «философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувствительности, религиозного искания» (Самопознание. - Париж, 1983).

В центре культурного подъема была русская интеллигенция, у которой в кризисную эпоху возросла надежда спасти мир не «снизу», не «сверху», а «изнутри», путем духовного преображения личности, этического совершенствования человеческих отношений.

Центральным культурным феноменом серебряного века оказалась литература, развивающаяся в атмосфере, насыщенной электричеством и в то же время пронизанной солнечными лучами, полной беспокойства мысли и пристрастия к изысканной форме. О влиянии литературы на жизнь писались статьи, читались рефераты, устраивались дискуссии. «Литературой тогда жили... хотели превратить жизнь в роман» [4, с.416], считая, что «может все в жизни лишь средство для ярко певучих стихав» (В. Брюсов). «Никогда еще, разве кроме пушкинской эпохи, так не кипела поэтическая жизнь», - писала Гофман [4, с.367].

Велась борьба за новое искусство. Модернисты питались светлой мечтой о нравственном пробуждении человека. Ломались старые рамки. Возникали течения, по мнению З. Гиппиус, «сами, естественно» [4,с.40]. Символисты мечтали о пробуждении средствами творчества Божественного начала в земном существовании; акмеисты поклонялись таланту пересоздающему, «растворяющему» в художественном несовершенстве сущее; футуристы призывали разрушить грамматику и синтаксис русского языка поклонением «бессмысленности, тайне властной ненужности» (В. Маяковский)...

Но, как справедливо заметил А. Блок, в статье «О лирике» (1907), «группировки поэтов по школе – труд праздный». А Н. Гумилев в разговоре с И. Одоевцевой констатировал: «Все, все мы, несмотря на декадентство, символизм, акмеизм и прочее, прежде всего русские поэты» [6,с.174]

Поскольку, по свидетельству очевидцев, никогда еще формы общения не были столь многогранными и многоплановыми, как в это время. Значительная часть творческой жизни серебряного века ушла в кружковую художественно-общественную жизнь. Связи между писателями и поэтами, художниками, артистами, философами оказались столь многосторонними и насыщенными, что о них, взятых вместе, можно говорить как о едином историко-культурном контексте.

«Мы проживали время в «пиршественном» состоянии духа, в нескончаемых разговорах все об одних и тех же высочайших и... беспредметных материях. Место разговоров менялось...Мы говорили о судьбе мира и искусства, о конечных задачах культуры, о мистерии Скрябина, о «мистическом анархизме» и о «самых символистах», - пишет Сабанеев [4, с.34].

Даже мысль о Религиозно-философском собрании, по свидетельству З. Гиппиус, зародилась в литературно-эстетических кружках [5,с.94]. И деятельность религиозно-философского общества обогатила творческую атмосферу переломного времени. Раздумья о судьбе разобщенного мира живо перекликались с литературными исканиями, нередко их стимулируюя. Удельный вес кружков, общего творчества в это время был едва ли не столь значимым, что и удельный вес индивидуального творчества.

Бурная творческая жизнь кипела в Москве и Петербурге. По свидетельству З. Гиппиус, «литературная жизнь Москвы и Петербурга всегда рознилась между собой. Не то чтобы по времени Москва вовсе не «шла» за Петербургом, опаздывая. Разница в общем темпе жизни, в мерах размаха, в различии вкусов. Многие Москва переживала глубже и переживала дольше. Петербург был зато зрячее и сдержаннее» [4,с.38]. Но и в Москве и в Петербурге в литературной жизни шло оживление «немножко сумасшедшее, напряженно-разнузданное» [4,с.46].

И общение было столь тесным, что в воспоминаниях русских эмигрантов четко не прослеживаются никакие границы. Писатели и поэты ездили из Петербурга в Москву, из Москвы в Петербург, печатались в различных

журналах, посещали кружки. Как отмечал А. Белый, всех «роднило чувство кризиса. Ось разрешения – в каждом по-разному» [2, с. 352].

Московский литературно-художественный кружок стал ареной борьбы за «новое искусство». А. Белый детально описывает «восемь актов» этой борьбы: вечер нового искусства, два чтения Бальмонта в кружке, две лекции в Историческом музее, чтение в «кружке» Л. Андреева, два чтения Бальмонта в обществе российской словесности [2, с. 231]. На собрании «зал: яблоку упасть некуда; жадная публика... все – сидит, шелестит, пожирая глазами эстраду, хихикая и ожидая скандала» [2, с. 233]. Подбор лекторов: вся Москва, Петербург, Киев, Харьков, Одесса прошли через эстраду «кружка»: Яблоновский, Морозов, Волошин, Бальмонт, Брюсов, Ходасевич и др. В Кружке происходили постоянные бои молодой литературы со старой.

Но, по мнению В. Ходасевича, «для серьезной беседы аудитория Кружка была слишком многочисленна и пестра. На вторники шли от нечего делать или ради того, чтобы не пропустить очередного литературного скандала, о котором завтра можно будет болтать в гостиных. Эта аудитория влияла и на докладчиков, которые нередко приспособлялись к ее понятиям и вкусам или напротив – старались ее подразнить... Если случалось кому-нибудь сказать слово действительно ценное, содержательное – оно тонуло в прениях, в которых участвовать мог любой профессиональный красобай, любой просто невежда... Действительная литературная жизнь протекала вне Кружка, осаждаась с нем лишь сумятицей и шумихой, подчас вредной и пошлой» [3, с. 391].

Противоположным московскому литературно-художественному кружку было Общество Свободной Эстетики. В «Эстетике», по мнению А. Белого, «деятели искусства обрамлялись публикой, падкой до скандалов: газетчиками, адвокатами и зубными врачами» [3, с. 209]. «Эстетику» окантовывали цветы буржуазии... «Эстетика» в лучшую пору ее создала атмосферу: развязались языки; но позднее пуризм задушил ее чванством купчих, нарядившихся в слово, как в платье...» «Кружок», этот клуб пошляков, и «Эстетика», клуб эстетических пыжиков, вдруг заключились в одни буржуазные скобки, в которых они расширялись: «Эстетика» - в «Русскую мысль», в Религиозно-философское общество, в «Путь», в «Скорпион», в «Мусaget» и в «Дом песни»; «Кружок» - в «Бюро прессы», в Художественный театр, в бар «Ла-Скалу», в «Летучую мышь», в «Альпийскую розу»... В «Кружке» состояния проигрывались, а в «Эстетике» - состоянья играли алмазами... «Эстетику» окрасила «Голубая роза», слившаяся позднее с «Миром искусства»: голуборозники дружили с «Весами» [3, с. 210].

«Весы» стал первым русским журналом нового типа, еще «декадентским, но культурным» [5, с. 30]. Вокруг него и вокруг связанного с ним издательства «Скорпион» группировались молодые силы, все «отверженные» - справедливо и несправедливо – традиционными русскими «толстыми журналами». Книгоиздательство «Скорпион» сделалось быстро центром, который объединил

деятелей «нового искусства», сблизил московских и петербургских писателей, объединенных в свое время «Северным Вестником» (Дм. Мережковского, З. Гиппиус, Ф. Сологуба и др.). Как пишет Б. Погорелова, именно это издательство «вывело в люди» символистов («декадентов»), о которых публика в доскорпионовскую эпоху черпала сведения из глубокоиздевательских статей малокомплектных газетчиков» [4, с.312]. Был выпущен альманах «Северные цветы» как продолжение одноименного альманаха, издаваемого И.А. Дельвигом.

Видную роль в той новой моде на «скрещение нескрещаемого, соединение несоединяемого» (А. Белый) сыграл салон М.К. Морозовой. В особняке Морозовой митинговали, читали лекции, спорили. По мнению А. Белого, этот салон открыл новую эру «высококультурного будущего. Здесь царил тон необыкновенной «культурной вежливости» и терпимости к позициям друг друга. А. Белый вспоминает: «...когда Сергей Яблоновский поливал нас вонючею бранью из «Русского слова», Игнатов из «Русских ведомостей» уничтожал с большим приличием, но не с меньшею злостью, когда гучковский «Голос Москвы» опрокидывал на нас уже прямо ассенизационные бочки, издевалась Теффи из «Речи», Измайлов же, Саша Черный и прочие писали пародии, когда то я, то Эллис попеременно бацали с кружковской арены по адресу всей прессы выражения, вряд ли допустимые и в полемике, - при встрече нас, символистов, с Лопатиными, Трубецкими, Хвостовыми, Котляревскими господствовало благорастворение воздухов» [2, с.507].

Л. Рындина вспоминает о вечерах «Золотой грозди», которые устраивала поэтесса Любовь Столица: приглашения на них она посылала на белой карточке с золотой виноградной кистью сбоку. В уютной квартире выступали поэты, прозаики со своими произведениями. «Это были приятные вечера, - пишет Рындина, - как и вся тогдашняя московская жизнь с ее причудами и особенностями» [4, с.428].

В Петербурге... «многие вообразили, что можно что-то «делать», - во всяком случае, тянулись к активности», - отмечала З. Гиппиусу [5, с.116]. Большой популярностью пользовался кружок под названием «Пятницы Полонского», который основали родственники и друзья Якова Петровича Полонского в память поэта. Здесь устраивались вечеринки с прослушиванием интересной музыкально-вокальной и литературной программы, над составлением которой работал сын поэта.

После смерти Полонского старейший русский поэт К.К. Случевский в порядке преемственности в память о своем собрате стал устраивать у себя дома по пятницам собрания, которые в литературном мире стали известны как «Пятницы Случевского». В члены кружка мог попасть только человек, причастный к поэтической или стихотворной области литературы. Юмористы окрестили эти «Пятницы» «Сборищем птичек певчих». Завсегдатаями здесь были Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус,

С.А. Андреевский, К.Д. Бальмонт, Ф.К. Сологуб. Обычно собрание начиналось с того, что кто-то из присутствующих читал свое последнее, еще не появившееся в печати произведение, а вслед за тем слушатели высказывали свое откровенное мнение об этом произведении. И, как отмечает

В. Барятинский, «после отзыва автор прочитанного произведения чувствовал себя на скамье подсудимых после речи прокурора» [4,с.297]. Но потом выступал Случевский, «сглаживавший добродушием и благожелательностью своей речи все шероховатости создавшегося положения, примирявший автора с критиком, восстанавливавший душевное равновесие и – по окончании речи приглашавший присутствующих перейти в столовую поужинать» [4, с.298]. После ужина Случевский задавал какую-нибудь тему, на которую все присутствовавшие должны были написать экспромты в стихах. Однажды на одном из таких ужинов Случевский предложил издавать еженедельную газету «Словцо», в которой бы каждый участник мог поместить хоть несколько стихотворных строк. «Создавая свои «пятницы», - пишет В. Барятинский, - Случевский хотел создать среди дебрей политических репрессий, в которых блуждала русская литература, оазис с кристально чистым родником поэзии, и только поэзии, или хотя бы со скромным ручейком стихотворства» [4,с.299].

Центром литературного Петербурга была и «башня» Вяч. Иванова, где по средам можно было встретить А. Блока, М. Кузмина, Ф. Сологуба, А. Белого, В. Брюсова, Д. Мережковского, З. Гиппиус...Обыкновенно в «башне» (Мережковские ее называли «становище») читались самые свежие, еще не напечатанные стихи, и читались, «как было принято тогда, торжественно и нараспев...читать иначе, реалистически, «с выражением», казалось неприличным и пошлым» (М. Добужинский). Собрания проходили по-семейному, за чаепитием. После чая часто читались доклады на одну из животрепещущих тем, и тогда возникали нередко весьма горячие споры.

М. Добужинский вспоминает, что однажды в «башне» был поставлен почти экспромтный спектакль, затеянный Мейерхольдом и Судейкиным, - «Поклонение Кресту» Кальдерона. «Пьеса эта была поставлена в ширмах, очень изысканно и поэтично» [4,с.357)]. «Башня» стала местом культурнической мистериологии искусства («хоровое действие») и идеологии «мистического анархизма». В поэтически претворенной культуре общения на Башне была создана «утонченная культурная лаборатории» (Н. Бердяев).

Вращаясь в литературно-художественной среде Петербурга, трудно было не побывать в «Бродячей собаке». Инициатор Б. Пронин создавал этот «подвал» «только для своих, для друзей, для знакомых. Это...и не кабаре, и не клуб. Ни карт, ни программы...» [4,с.445]. «Бродячая собака» была открыта три раза в неделю, все приходящие уже были раньше знакомы между собой. Н. Могиланский вспоминает, какое оживление царило в этом «скромнейшем по размерам и по обстановке «подвале» на некоторых удачных вечеринках «без программы»... А позже в подвал «Собаки» ворвалась улица. Уже об интимности не могло быть и речи» [4,с.447]. Позже к одиннадцати часам,

официальному часу открытия, съезжались «фармацевты» (так на жаргоне «Собаки» звались все случайные посетители). « Они платили за вход три рубля, пили шампанское и всему удивлялись» [4, с.440]. Г. Иванов так описывает один из вечеров в «Бродячей собаке»: «За «поэтическим столом» идет упражнение в писании шуточных стихов. Все ломают голову, что бы такое изобрести. Предлагается наконец нечто совсем новое: каждый должен сочинить стихотворение, в каждой строке которого должно быть сочетание слогов «жора». Скрипят карандаши, хмурятся лбы. Наконец время иссякло, все по очереди читают свои шедевры.

Обжора вор арбуз украл
Из сундука тамбурмажора.
«Обжора, - закричал капрал,-
Ужо расправа будет скоро».

Под аплодисменты ведут автора, чья «жора» признана лучшей, записывать ее в «Собачью книгу» - фолиант в квадратный аршин величиной, переплетенный в пеструю кожу. Здесь все: стихи, рисунки, жалобы, объяснения в любви, даже рецепты от запоя...» [4, с.441 - 442].

«Бродячая собака пользовалась огромной популярностью. О ней писала А. Ахматова:

Да, я любила их – те сборища ночные,
На низком столике - стаканы ледяные,
Над черным кофеом голубоватый пар,
Камина красного тяжелый зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки...

Ей посвятил свои строки М. Кузмин:

Здесь цепи многие развязаны –
Все сохранит подземный зал.
И те слова, что ночью сказаны,
Другой бы утром не сказал.

Лидия Рындина пишет: «...в подвальчике было «душно, накурено, но весело и приятно. Заранее подготовленной программы не было, но так как кабачок всегда полон артистической братией, то программы налаживались сами собой. Иной раз программа была лучше, в другой – слабее, всегда, однако, было интересно... Пел свои «Куранты любви» Кузмин... Читал стихи Городецкий... Было много легкомыслия, но много было и таланта, бескорыстного искания в литературе и искусстве» [4, с. 428].

В 1914г. на собрании писателей и артистов было принято решение создать «закрытый клуб деятелей искусств» и назвать его «Медный всадник». «Закрытие вечера» проходили на частных квартирах, здесь поэты и писатели знакомили присутствующих со своими новыми произведениями, а композиторы предлагали на их суд свои. Каждый из присутствующих оставлял

автограф в альбоме. Например, Сергей Прокофьев набросал в виде автографа несколько тактов из своего опуса №12, композитор Шапошников, «скрябинист», как его называли, дал в виде автографа несколько первых тактов музыки к поэме Сологуба «отравленный сад», С. Городецкий написал стихотворение:

Какая радость жить в России,
В России чуя и в себе
Неукротимые стихии,
Ничьей не певшие судьбе.

Поэт Михаил Долинов, сын режиссера Александринского театра, записал в альбом:

И на пути, как демон бледный,
Срывая мантию с плеча,
Прорезал воздух Всадник Медный,
По рифмам Пушкина стуча [4, 470].

В бурной литературно-художественной жизни России были вечеринки Плещеева, «холодные воскресники» (А. Белый) Сологуба, «размашистые, нестройные, веселые» (А. Белый) «воскресенья» у Розанова, старался поддержать «настоящую литературную среду» (З. Гиппиус) П.И. Вейнберг, работал «Цех поэтов» под руководством Н. Гумилева и т.д. По утверждению Оцуца, «серебряный век противостоял кризису русской культуры накануне революции» («Современники» - Париж, 1961).

«Провинция тянулась за столицами. По всей России читались публичные лекции и всюду, даже и в отдаленнейших городах, собирались живые и внимательные аудитории...» - вспоминал Ф. Степун [6, с.192].

Литературная жизнь в революционное и послереволюционное время продолжала кипеть. Из воспоминаний «живого свидетеля» заката русского акмеизма И. Одоевцевой видно, что на берегах Невы поэтам жилось, конечно, трудно, но чувство счастья, даже неслыханного счастья, было разлито в воздухе. Приоритет духовного над житейским был настолько велик, что голод, разруха, аресты, потрясения самых основ культуры не могли поколебать внутреннюю твердыню русской поэзии.

Был открыт институт «Живого слова»; Н. Гумилев в «Цехе поэтов» учил молодых писать стихи; приехавшая из Москвы Надежда Павлович организовывала петербургский Союз поэтов по образцу московского; читались лекции в Доме литераторов и Доме искусств; по инициативе Луначарского была организована кафедра поэзии и стихосложения при пролетарском университете, где Брюсов, Блок и другие выступали с лекциями о поэтическом искусстве; поэты собирались по пятницам «Гиперборее»... Велись нескончаемые споры о поэте и поэзии, о революции, о судьбе России.

Публика любила поэтов. И. Одоевцева пишет об одном из собраний: «Зал переполнен. Не только нет свободных мест, но во всех проходах стоят

запоздавшие слушатели... Да, стихи тогда были нужны не меньше хлеба. Иначе как могли бы все эти усталые, голодные люди после изнурительного трудового дня найти в себе силу пройти пешком, иногда через весь Петербург, лишь для того, чтобы услышать и увидеть поэтов? Только тогда и там, в Петербурге, чувствовалась эта горячая, живая связь слушателей с поэтами, эта любовь. Овации, бесконечные вызовы. Поэтов охватывало ощущение счастья от благодарного восхищения слушателей. Казалось, что все друзья поэтов. Готовы для поэтов на любые жертвы. Если надо – отдать последнее. Отдать даже тот хлеб, о котором Марина Цветаева говорила, что он так же нужен, как стихи» [6, с.102].

Оказавшись за границей, «король поэтов» Игорь Северянин с ностальгией вспоминал о своем небывалом, «громокипящем успехе», когда уличное движение останавливали во время его выступления в зале под Думской каланчой. А в Керчи, в Симферополе, на Волге лошадой распрягали, и поклонники на себе возили поэта, купчихи бросали на эстраду бриллиантовые браслеты, серьги, броши, Сологуб возил его по всей России. «И всюду вечный праздник, беззакатное торжество!» (И. Одоевцева).

Одной из привлекательных достопримечательностей издательства «Всемирная литература» была торговка Роза, которая устроила в зале около лестницы подобие продовольственной лавки и отпускала писателям за наличные, а чаще в кредит, сахар, масло, патоку, сало и прочие лакомства. Эта Роза завела альбом в черном кожаном переплете, куда заставляла всех своих клиентов-писателей написать ей «какой-нибудь хорошенький стишок на память». В альбом писали свои стихи Сологуб, Блок, Гумилев, Кузмин, Ремизов, Замятин...

Например, Георгий Иванов написал ей такой «стишок»:

Печален мир. Все суета и проза,
Лишь женщины нас тешат да цветы,
Но двух чудес соединенье ты.
Ты – женщина. Ты – Роза.

А Осип Мандельштам, задолжавший Розе за продукты, на просьбу что-нибудь написать, откликнулся так:

Если грустишь, что тебе задолжал я одиннадцать тысяч,

Помни, что двадцать одну мог тебе задолжать [6, с.135].

Но изменения, происходившие в стране, заставили почти весь «серебряный век» выехать за границу и жить воспоминаниями о времени «литературного возрождения» и «литературной суеты». В этих воспоминаниях видны «живые лица» участников культурного ренессанса.

Вот перед нами Николай Гумилев, уверенный в том, что «надо учиться писать стихи так же долго и усердно, как играть на рояле», считающий, что «поэты – короли жизни», а «поэзии необходима напряженная, разнообразная жизнь, полная борьбы, радостей и огорчений, взлетов и падений. Ну и, конечно,

любви. Ведь любовь – главный источник стихов» [6,с.114]. Он спорит Осипом Мандельштамом, который «бормотал стихи, сочиняя их на ходу и разговаривая при этом на совершенно посторонние темы... Стихия музыки питала его поэтическое сознание, как и пафос государственности, насыщавший его поэзию» [4,с.272]. Мандельштам, постоянно шаривший по карманам в поисках папирос, притворяющийся легкомысленным, чтобы скрыть «свое глубокое трагическое мироощущение, отгораживаясь от него смехом и веселостью» [6,с.155], слушающий, как «поют дворцы на набережной», не любивший споров, все-таки утверждает, что научить писать стихи нельзя. С ним соглашается Георгий Иванов:

Вдруг появляются стихи.

Вот так из ничего.

А вот Валерий Брюсов, считающий, что нужно любить Пушкина и Тютчева, спорит с Игорем Северяниным, не признающим «никаких Пушкиных». И рядом Максимилиан Волошин, небольшого роста, широкоплечий, приземистый, с крупной головой и добродушным лицом, «великий мастер бесить людей» (В. Ходасевич) и «сама доброта...округлитель острых углов» (А. Белый), который «выступал, точно учил всех утонченным стилем своей полемики, полный готовности выслушать, впитать, без полемики переварить; и потом уже дать резолюцию, преподнеся ее точно на блюде» [2.с.251].

Поодаль - Константин Бальмонт, «слегка рыжеватый, с живыми быстрыми глазами, высоко поднятой головой», «нарядно одет и надушен крепкими английскими духами» (Б. Погорелова), удивляющий всех своим «перезвоном хрустальных созвучий» (Н. Тэффи), «гений импровизации» (А. Белый), славящий «поэта» вообще: назло Мережковскому, вне религии поэзию отрицающему»

(Б. Погорелова), определивший сам себя:

Я ведь только облачно,

Полное огня...[4,с.418]

Участвует в спорах и необычайно учтивый, хорошо воспитанный Андрей Белый, огромные глаза которого «сияют постоянным восторгом» (Б. Погорелова). Он критикует строго, безапелляционно, но вместе с тем толково, так что всякий, кто хочет этого, может кое-чему научиться [4,с.315].

Всем импонирует Владислав Ходасевич: «умом, вкусом, критической остротой, истончающей вкус и желчь, пониманием Пушкина; трудолюбивостью даже внушает уважение» (А. Белый).

Не может остаться незамеченным Вячеслав Иванов – «наиболее культурный человек» (Н. Бердяев), «воскреснувший ритор древности, неиссякаемый фонтан первоклассного красноречия» (Л. Сабанеев), знающий «всех Дионисов, и религии тех лет, и поэзию, и литературу... о Достоевском глаголящи премудро» (Б. Зайцев), переводчик с древнегреческого, латинского, итальянского, немецкого, французского языков (С. Маковецкий).

Привлекает внимание Александр Блок – правдивый «трагический тенор эпохи» (А. Ахматова), «лучший поэт XX века» (Н. Гумилев), свои волнующие стихи читающий «медленно, с полужакрытыми глазами, слегка нараспев и монотонно» (М. Добужанский), «всегда серьезный и задумчивый – точно какая-то грусть покрывала его лицо и делала его более похожим на маску» (М. Гофман), вырастивший для себя свою Россию – и ее полюбивший, и любовь свою полюбивший – «несказанную» (З. Гиппиус), написавший противоречивую поэму «Двенадцать». Он вместе с Городецким и Пястом шуточно-издевательски переделывает имена поэтов и их произведений. Так Валерий Брюсов превращается в Похерия Злюсова, а его стих «Венок» - в «Веник»; «Нечаянная радость» Блока – в «Отчаянную гадость»; «Золото в лазури» А. Белого – в «Здорово надули» и т.п.

В центре событий - неразлучная чета Мережковских. Дмитрий Сергеевич – «маленького роста, с узкой впалой грудью, в допотопном сюртуке. Черные, глубоко посаженные глаза горят тревожным огнем библейского пророка... Держится он с неоспоримым чувством превосходства и сыплет цитатами то из Библии, то из языческих философов» [4,с.315]. Рядом с ним - Зинаида Николаевна Гиппиус. Соблазнительная, нарядная, особенная, с загадочно красивым лицом, пышными темно-золотистыми волосами, источающая «головокружительный аромат сильных, очень приятных духов» (Б. Погорелова). Она смотрит в лорнет на валенки С. Есенина и громко восклицает: «Какие у вас интересные гетры!» (За что Есенин называет ее «злой осой»).

Можно увидеть и М. Кузмина – одного из наиболее утонченных эстетов эпохи, умного, тонкого и ироничного (А. Лурье); и холеного, похожего на директора банка Михаила Лозинского, придумавшего слово «Чик» («Честь имею кланяться»), чтобы идти в ногу со временем; и Велимира Хлебникова, «председателя земного шара», «духовного старца от искусства» (А. Лурье); и Алексея Ремизова, «удивительного мастера писаного шрифта» (М. Добужанский), создателя «Великой Вольной Обезьяньей Палаты», Озорной Академии, вроде «всешутейного собора»; и «бесцеремонного верзилу» (Б. Погорелова) Владимира Маяковского, презирающего петербургских поэтов и читающего свои стихи, подчеркивая ритм; и многих, многих других представителей серебряного века.

В своих воспоминаниях русская эмиграция создала атмосферу, в которой зазвучали голоса, утверждающие торжество личности над обезличиванием

Как отмечал Г. Адамович, «все были увлечены духовным движением, которое на вершинах своих жило ожиданием примирения двух жизненных начал: личного и, как тогда говорили, «соборного»[4,с.220]. И каждый из участников этой жизни мог сказать вслед за Н. Арсеньевым, что он «получил много духовно-ценных вкладов, умственно бурлящих импульсов... Богат посев, богаты... дары духовной культуры, данные мне и ряду моих сверстников» [4,с.311].

Из вышесказанного видно, что пишущие мемуары деятели «первой волны» русской эмиграции как бы обращаются к нам вместе с И. Одоевцевой: «Я пишу не о себе и не для себя, о тех, кого мне было дано узнать на берегах «Невы». Я пишу о них и для них. Полюбите их, воскресите их в своей памяти и сердце. И тем самым подарите им бессмертие» [6,с.13].

Литература

1. Белый А. На рубеже двух столетий. / Андрей Белый. - М: Худож. лит., 1989. – 543с.
2. Белый А. Начало века. / Андрей Белый. – М: Худож. лит., 1990. – 687с.
3. Белый А. Между двух революций. /Андрей Белый. – М: Худож. литература, 1990. – 670с.
4. Воспоминания о серебряном веке / сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1993. – 559с.М., 1993
5. Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. /Зинаида Гиппиус. – Тбилиси: «Мерани», 1991. – 383с.
6. Одоевцева И. На берегах Невы. / Ирина Одоевцева. – М.:Худож. лит., 1988. – 334с.

Анотація

на статтю Мазуриної В.О. «Епоха інтенсивної творчої напруги в осмисленні російських емігрантів «першої хвилі»

В статті на матеріалі спогадів відомих діячів російської культури кінця ХІХ – початку ХХ століття, які опинилися у вимушеній еміграції, здійснено спробу довести думку про те, що так звана «срібна доба» російської літератури була часом інтенсивних творчих пошуків, які виглядали як «літературна метушня»,яскравих особистостей «літературного відродження».

Ключові слова: літературне відродження, мемуари, російська еміграція, срібна доба

Аннотация

на статью Мазуриной В.А. «Эпоха интенсивного творческого накала в осмыслении русских эмигрантов «первой волны»

В статье на материале известных деятелей русской культуры конца ХІХ – начала ХХ века, которые оказались в вынужденной эмиграции, предпринята попытка обосновать мысль о том, что так называемый «серебряный век» русской литературы был временем интенсивных творческих поисков, которые

выглядели, как «литературная суэта» ярких личностей «литературного возрождения».

Ключевые слова: литературное возрождение, мемуары, русская эмиграция, серебряный век

Summary

On Mazurina's article «the Epoch of intensive creative glow in the comprehension of the Russian emigrants of the "first wave"»

In the article, based on a material of the well-known figures of Russian culture in the late XIX – the beginnings of the XX-th century who has ended up in the forced emigration, an attempt to ground an idea that the so-called "silver century" of Russian literature was a period of intensive creative search that looked, as "literary fuss", is undertaken, and figures of bright personalities of “literary renaissance”.

Keywords: literary renaissance, memoirs, Russian emigration, a silver age

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук, доцентом кафедры зарубежной литературы Горловского педагогического института иностранных языков Марченко Т.М.